

1

Зельда

Светлый парик прикрывает мои ярко-розовые волосы. Веснушки исчезли под толстым слоем косметики. Ногти я наредила консервативным темно-красным лаком и подобрала подходящий оттенок помады. Впрочем, большая ее часть осталась на косметической салфетке, чтобы я не выглядела кукольно. Небольшим количеством румян оживляю абсолютно ровный тон кожи. Мне кажется странным маскировать естественный цвет лица, а потом рисовать на нем искусственный румянец.

Молодая женщина, которая смотрит на меня из зеркала, больше не имеет ничего общего с девушкой, которой я была двадцать минут назад. Идеально. Если бы еще перекрыть косметикой мою личность, я стала бы мечтой своей матери.

Осторожно открываю дверь ванной. Никто из соседей по квартире не должен увидеть меня такой. Все чисто, и я быстро проскакиваю в комнату. На кровати уже лежит темно-серое платье, которое пришло по почте пару дней назад и наверняка стоило целое состояние. Кружевной верх подчеркнет мою миниатюрную фигуру, а широкая юбка из фатина сделает ноги еще стройнее. Я скидываю банный халат, надеваю платье и расправляю его. Застегиваю молнию, пока не удастся поймать ее сверху другой рукой, чтобы довести до

конца. Было бы проще попросить о помощи Леона или Аруша, но мне неловко из-за этого перевоплощения.

Подходящие по цвету замшевые туфли-лодочки, которые пришли вместе с платьем, кладу в сумку. Любая минута, когда мне не надо истязать ими ноги, — это подарок. Я надеваю кеды, накидываю сверху черный блейзер и крадусь из комнаты к выходу. В коридоре хватаю с комода ключи, которые бросаю в сумку к туфлям. И, почти оказавшись за дверь, кричу в глубину квартиры:

— Пока, ребята, до завтра.

Не дожидаясь ответа, ухожу и закрываю дверь.

От Перли, где я учусь, до Палома Бэй час езды на машине. Дом родителей расположен на холме за идиллическим морским курортом. Оттуда в ясные дни открывается фантастический вид на залив — один из самых популярных мотивов на почтовых открытках, которые бесчисленное множество туристов каждый год рассылает по стране.

По дороге туда я никогда не слушаю музыку, чтобы морально настроиться. Это означает: я представляю себе самое худшее, что может произойти сегодня вечером. Воображаю ситуацию. Неинтересный слизняк в идеально сидящем костюме пытается влезть в задницу моим родителям, одновременно демонстрируя мне жалкими попытками поглаживаний под столом, что он не испытывает ни малейшего уважения к женщинам в целом и ко мне в частности. Если потом возвести это зрелище в степень, я получу приблизительное представление, чего стоит ожидать.

Не будь я финансово зависима от родителей, они бы не держали меня под контролем и я бы ни за что не согласилась участвовать в этом балагане. Но учеба — дорогое удовольствие. А студенчество — мой последний шанс побыть собой. Вот почему почти каждый выходной я не сопротивляюсь ро-

дителям и играю эту унижительную роль в обмен на каплю свободы.

Я еду по дороге через Палома Бэй, хотя в объезд добралась бы быстрее. Но пункт *«Приехать пораньше»* находится в самом низу моего списка приоритетов. Мне нравится проезжать по городку, в котором я выросла. Часы здесь идут медленнее. Если и существует место, в котором время замирает, то это Палома Бэй. Помимо отелей в духе современных стеклянных дворцов, перед которыми гостей дожидаются лимузины, здесь в основном встречаются милые пляжные бары и изысканные рыбные ресторанчики, через окна которых за растущими вдоль улицы пальмами открывается вид на пляж. Наверное, приблизительно половина из них принадлежит моим родителям. Сезон еще не начался, хотя здесь, у самого моря, круглый год стоит приятная погода. На набережной почти никого нет, а купальни на берегу — одно из самых бессмысленных сооружений — еще не открылись. В этих местах только туристы платят деньги, чтобы искупаться в море.

Сразу после выезда из города я сворачиваю на узкую извилистую дорогу, ведущую на холм, к Палома-Хилл. То тут, то там мне встречаются впечатляющие современные виллы, встроенные в природный ландшафт. Чем выше поднимаешься, тем меньше становится домов — пока я не останавливаюсь перед тяжелыми железными воротами. Ждать придется всего секунду, затем обе створки как по волшебству открываются. Впрочем, я знаю, что этот волшебник Рори — наш привратник.

Еду по подъездной дорожке к высокому монументальному дому, который возвышается на фоне синего неба. Белый фасад подсвечен, и из большинства окон на первом и втором этажах тоже льется холодный свет. Я паркую свой «Мини Купер» — подарок родителей на окончание школы — перед

домом. Достаяю из сумочки туфли и сбрасываю кеды. А потом неуклюже вылезая из машины. Милош, шофер родителей, тут же подбегает, чтобы перепарковать автомобиль.

— Добрый вечер, мисс Зельда, — здоровается со мной он. — Рад вас видеть.

— Просто «Зельда», Милош, мы ведь уже это обсуждали, — поправляю я. — Как у вас дела? Хорошо?

— Спасибо, очень хорошо, — с улыбкой говорит он. — Хотя мы все ужасно по вам соскучились.

— Я по вам тоже, — отвечаю я. И это правда. Прислуга родителей всегда была для меня заменой семьи. Среди них я встретила лучших людей, которых когда-либо знала.

— Заглянете потом на кухню? — спрашивает Милош, когда я отдаю ему ключи от машины.

— Если получится улизнуть, обязательно! — обещаю я. Без перспективы выпить кофе с единственными приятными людьми в этом доме вечер стал бы невыносимым.

Я иду к массивной входной двери. А уже через три шага мне приходится остановиться, чтобы поправить туфлю. Я балансирую на правой ноге, что совсем не просто, когда ты вынуждена распределять вес всего тела на тоненькую шпильку и узкий мысок. Канатоходцем мне в этой жизни точно не быть. Это факт.

Внезапно слышу, что позади меня подъезжает машина. Собираюсь обернуться, но забываю, что левая нога еще не в туфле. Я почти теряю равновесие и в последний момент успеваю ухватиться за одну из больших белых колонн, украшающих вход. Классно, теперь я и из второй туфли выпала.

— Осторожно, — произносит мужчина, открывая дверцу автомобиля. Он одаривает меня улыбкой. — Филипп Ингландер. Полагаю, я здесь из-за тебя?

Я поспешно надеваю туфли.

— Привет, я Зельда, — отвечаю я.

Филипп Ингландер подходит ко мне и протягивает руку:

— Рад познакомиться.

— Я тоже очень рада, — говорю, стараясь заглушить нотки иронии, которые всегда появляются в моем голосе на этой фразе. Если начну бесцеремонно обращаться с ним уже сейчас, то обеспечу себе кошмарный ужин.

Милош возвращается, чтобы переставить автомобиль Филиппа. Пока они общаются, я рассматриваю своего кавалера на сегодняшний вечер. Он кажется симпатичным... и интеллигентным. Что-то новенькое. У него светлые рыжеватые волосы, аккуратно подстриженная короткая борода и круглые очки. В отличие от остальных молодых людей, которых родители приглашали, он приехал не в костюме, а в более повседневных темно-синих брюках, голубой рубашке и сером костюмном жилете. Кроме того, отмечаю, что он вежлив с Милошем. Со временем я поняла, что хорошее отношение к прислуге не является чем-то само собой разумеющимся, поэтому меня приятно удивляет, что Филипп благодарит водителя.

— Что ж, — начинает он, после того как Милош уезжает на его машине, — да начнутся игры. — И подмигивает мне.

— И не говори, — откликаюсь я.

Когда я уже собираюсь открыть дверь, она распахивается изнутри.

— Так и знала, что что-то слышала, — раздается приторно-радостный голос моей матери. Она кричит, оглянувшись через плечо: — Я же говорила, они здесь. — И снова поворачиваясь к нам: — Я три раза сказала Агнес проверить, но, видимо, здесь все нужно делать самой. — Мама изображает страдальческую улыбку.

— Прошу прощения, миссис Редстоун-Лори, — слышим мы Агнес, которая, судя по всему, спешит из кухни, где у нее

и так куча дел. Я ободряюще ей улыбаюсь, когда она выходит в холл.

— Позвольте взять вашу верхнюю одежду? — обращается она к нам с Филиппом, и мы передаем ей свои пиджаки.

— У вас потрясающий дом, миссис Редстоун-Лори, — говорит Филипп моей матери. Парень осматривается в холле, который для посетителя должен выглядеть весьма внушительно. Пол покрыт мозаикой из красного, белого и зеленого мрамора, в центре которой изображен наш фамильный герб: посередине — стоящий на задних ногах олень, вокруг него — извивающиеся узоры, а венчает все рыцарский шлем. Портреты наших предков украшают изогнутые лестницы, ведущие на второй этаж. С потолка свисает гигантская люстра, которая однажды обязательно кого-нибудь убьет.

— Мы выпьем аперитив в гостиной, — объявляет мама. — Мистер Редстоун-Лори уже нас ждет.

У нее есть раздражающая привычка в присутствии посторонних называть моего отца «мистер Редстоун-Лори». Мне это всегда казалось ужасно жеманным.

Мы следуем за ней в гостиную. Филипп, настоящий джентльмен, пропускает меня вперед. Когда мы входим, папа встает с одного из антикварных диванов, для которых прошлой осенью родители заказали новую возмутительно дорогую обивку из полосатого бирюзового шелка.

Отец пожимает Филиппу руку и произносит властным баритоном:

— Филипп, как я рад вас видеть. Мы с вашим отцом регулярно встречаемся в клубе. А вы, видимо, не играете в гольф?

Типичное папино поведение: начать запугивать собеседника в ту же секунду, когда тот появляется перед ним. Например, замаскированным под вежливость упреком, как сейчас.

— Нет, сэр. Из-за учебы у меня практически не остается времени на хобби, — спокойно парирует Филипп, чем совершенно сбивает с толку моего отца. Снимаю шляпу, Филипп Ингландер.

Папа поворачивается ко мне.

— Зельда! — Его голос выражает больший восторг, чем он чувствует на самом деле, в этом я не сомневаюсь. Он делает вид, что целует меня в щеку. Трехдневная щетина царапает мне кожу, как наждачная бумага.

Пока папа и Филипп продолжают обмен любезностями, мама берет меня за локоть и отводит в сторону.

— Это что, парик? — шипит она, удостоверившись, что никто не обращает на нас внимания.

— А если и да, — пожимаю плечами я. — Я не горю желанием каждый раз перекрашивать волосы, когда еду к вам.

— Для твоего же блага надеюсь, что ты хорошо его закрепила. Если он свалится, пеняй на себя.

Ее ногти до боли впиваются в мою руку, в нос бьет сладкий парфюм. Выдавив беззаботную улыбку, я освобождаюсь из ее хватки. Не понимаю, в чем проблема. Парик выглядит очень естественно. Единственная, кто от него страдает, — это я. Мне в нем безумно жарко. Но, разумеется, истерику устраивает мама. Кто-нибудь видел, чтобы я жаловалась или ныла? *I don't think so*¹, миссис Редстоун-Лори. Примерно часа через четыре этот вечер закончится, и я смогу лечь спать. А еще до завтрака уеду домой. Сделав — как надеюсь — грациозный полупируэт, я разворачиваюсь и возвращаюсь к отцу и Филиппу. В самый подходящий момент.

— Могу предложить вам напитки? — спрашивает у нас Агнес, приподнимая серебряный поднос с бокалами шампанского.

¹ Я так не думаю (англ.). — Здесь и далее примечания переводчика.

Пару секунд я слежу за взглядом Филиппа, который скользит по комнате и останавливается на громадном семейном портрете над камином. Это неопишная картина, но родители отвалили за нее целое состояние. На ней мне одиннадцать лет, я в отвратительном желтом платье с розовым бантом, белых кружевных носочках и белых лакированных туфлях. У папы такой вид, будто он мнит себя президентом, в то время как мама на заднем плане строит из себя смесь красивой безделушки и гордой жены и матери.

Уголки губ Филиппа едва заметно дергаются вверх, когда его взгляд перемещается с портрета на меня.

— За прекрасный вечер, — провозглашает отец, и мы чокаемся, а потом садимся.

На журнальном столике — тоже антикварном — разложены подставки под бокалы. Мы с Филиппом садимся на один диван, а мои родители — на другой напротив нас.

— Ваш отец рассказывал, что вы изучаете юриспруденцию, Филипп, — начинает допрос папа.

— Верно. В Беркли.

— Очень достойно, очень. Наш старший сын Элайджа тоже получил юридическое образование в этом университете, а Себастиан еще там. Выдающиеся профессора. Вы согласны?

— Целиком и полностью.

— Когда вы выпускаетесь? — любопытствует мама.

— Если все пойдет по плану, то в следующем году. А потом начну работать в юридической фирме отца. Моя цель — как можно скорее стать партнером.

Я делаю большой глоток шампанского. Эти беседы всегда проходят одинаково. Родители расспрашивают молодого человека рядом со мной, у которого находятся удовлетворительные ответы на все их вопросы. На по-

добных ужинах не бывает сюрпризов. Впрочем, Филипп отличается от своих предшественников тем, что у него не краснеют уши от рвения. Они приятного телесного цвета.

— Мы мечтали, чтобы Зельда тоже поступила в Беркли, — продолжает папа, переводя тему на неизбежное: мои провалы. — Но у нее оказались другие приоритеты. Мы поддерживаем ее желание увидеть простую жизнь.

Я неподвижно сижу на месте, поскольку все, что я сделаю, будет расценено как провокация. Годы опыта научили меня, что в такие моменты лучше всего застыть. Однако внутри у меня все кипит. Мой отец — чертов лицемер. Достаточно вспомнить, через что мне пришлось пройти, прежде чем они разрешили мне учиться с таким никудышным аттестатом! Если бы я не пообещала не уезжать далеко и после университета позаботиться о своем «будущем», они, наверное, сразу же выдали бы меня замуж за какого-нибудь богатого наследника. У меня ускоряется пульс.

— Ты уже решила, какую хочешь получить специальность? — спрашивает Филипп. С тех пор как мы сели, ко мне впервые кто-то обращается.

Я делаю глубокий вдох, чтобы сказать что-нибудь подобающее. Но как только собираюсь начать...

— Она пока еще не нашла свое, — вместо меня отвечает мама. — Верно, дорогая?

— Как точно подмечено, мам, — тихо произношу я, потому что уверена, мой ответ никого не волнует. Уже который раз задаюсь вопросом, неужели это правда так необычно — в восемнадцать лет еще не распланировать всю свою жизнь?

— Мы рады, что все братья Зельды рано поняли, чем хотят заниматься. К счастью, на молодых женщин не оказыва-

ется такое же сильное давление. Разумеется, никому не захочется иметь необразованную партнершу, но и превосходить мужа тоже не стоит. Не так ли? — продолжает мама, обращаясь к отцу. Тот кивает и похлопывает ее по руке. Меня тошнит.

Я делаю еще глоток шампанского. Бокал почти опустел, и я оглядываюсь в поисках бутылки. К сожалению, ее нигде не видно.

Голова под париком прет все сильнее, и у меня ощущение, будто лицо окаменело под толстым слоем косметики. А кроме того, меня грозит раздавить бремя жизни в этой семье. Так или иначе, не помешало бы выпить еще глоточек.

Словно прочитав мои мысли, рядом возникает Агнес и доливает шампанское в бокал.

— Спасибо, — шепчу я и жадно из него отпиваю.

А когда собираюсь вернуться к разговору, оказывается, что отец начал обсуждать с Филиппом плюсы и минусы каких-то инвестиций. Мама переводит полный восхищения взгляд с одного на другого и энергично кивает, будто хотя бы отдаленно понимает, о чем речь.

На меня накатывает облегчение, когда тихим звонком нас наконец приглашают в столовую.

На длинном столе, как всегда, праздничная сервировка. Белые свечи, белые цветы, белые тканевые салфетки, которые одна за другой ложатся на наши колени. Моя мать одержима цветовыми концепциями. На заднем фоне негромко играет классическая музыка.

Подают первое блюдо — салат из весенних овощей с тартаром из форели. К нему наливают феноменальное белое вино, которое, по моему опыту, пьется как вода. Пережить этот вечер трезвой — нечто из области невозможного. Но нужно быть осторожней, иначе будет скандал. Все это уже

было. *Been there, done that*¹. Так что с закусками я заставляю себя пить воду. Отец и Филипп переключаются на тему автомобилей.

— Я коллекционирую старинные автомобили, — заявляет папа. — Страсть, которую со мной разделяет младший сын. Впрочем, с тех пор как он покинул нас и отправился учиться в Университет Брауна, я в одиночку забочусь о нашем автопарке.

Под «заботиться» он подразумевает «покупать», и как же мне хочется почесать голову.

Основное блюдо — филе телятины с овощами, и я разрешаю себе бокал красного вина. Но только один — чтобы не увлечься.

— Раз уж мы о нем заговорили, — вставляет мама. — Закари передает тебе большой привет. Он получил стажировку в крупной консалтинговой компании, где будет работать все лето.

— Рада за него, — говорю я с полным ртом, так как не рассчитывала, что сегодня ко мне еще раз обратятся. Пункт **«Чем мой брат будет заниматься летом»** находится в самом низу списка интересующих меня вещей.

Хорошо бы еще знать, что находится на самом верху этого списка. Когда мама сказала, что я до сих пор не нашла что-то свое, она была не так уж далека от правды. Хотела бы я понять, какая у меня страсть. И как доказать родителям, что я могу добиться в чем-то успеха, что они смогут мной гордиться, если я понятия не имею, что представляет это «что-то»?

Хотя рано или поздно мне все равно пришлось бы с этим распрощаться. Потому что ни один мужчина не захочет, чтобы его превосходила образованная жена.

¹ Знаем, плавали (*англ.*).